

НА КОНКУРС «50 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

Дело жизни Эдуарда Цветаева

Если вы знакомы с человеком не один год, то, порой, кажется, что знаете о нем почти все. Но бывает, неожиданно он поведает о себе новое из своей биографии, и наступает откровение: выговориться заставляет какой-нибудь случай.

Так произошло и с общественным директором музея спорта объединения Физ «Магнит» АО ММК Эдуардом Ивановичем ЦВЕТАЕВЫМ.

Только благодаря его усилиям и настойчивости, наконец-то, на территории центрального стадиона воздвигнут мемориал памяти спортсменам-металлургам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

— Вашему упорству при сооружении мемориала стоит позавидовать. Стоило здоровья?

— Не то слово. Теперь я спокоен. Задумку инициаторов этой идеи выполнил. Многие из них уже нет в живых. И, потом, День Победы для меня святой праздник. Мне тоже пришлось немало пережить...

...В небольшой квартирке Эдуарда Ивановича тепло и уютно. Напротив нас небольшой аквариум, в котором на фоне ярко-зеленых водорослей солидно плавали красные меченосцы.

Слышны были только хлопоты хозяйки на кухне и журчанье диктофона, на пленку которого ложился разговор-воспоминание Цветаева.

Малолетки

Мерефских пашанов, в том числе и Эдика Цветаева, вест о начале войны ошеломила. Первые дни пребывания в лагерях. Собирались кучками по задворкам и горячо обсуждали каждую новость с фронтов. Ничего утешительного! Да и старших по возрасту одного за другим отправляли в Харьков, а оттуда сразу в армию. Ходить в военкомат было бесполезно: 16—17-летних близко не пускали на порог, и без них хватало народу. Но через пару месяцев вспомнили и о них. Подрастающую молодежь решили эвакуировать.

Несколько раз вызывали в Харьков и всякий раз отправку откладывали. Последняя, в ноябре, уже ничего не решала: в городе были немцы. Они останавивали каждого молодого парня, и не дай Бог, кто-то оказался пострижен наголо. Таких немцы принимали за советских солдат. А так мерефскую делегацию новоявленные хозяева разогнали. Добирались до дома кто как мог. Был и страх. Вскорости и Мерефу оккупировали. Встретаться пашаны стали реже, вестей практически не было, да и надежда, что, мол, вот-вот наши погонят фашистов ввосток, стала гаснуть. Впереди маячила полная неопределенность.

Но вот в одно апрельское утро в каждый дом, где проживали молодые парни и девушки, наведались немцы. Они приказывали быстро одеваться, сажали в грузовик и отвозили в Харьков, где закидывали в товарняки отправляли в неведомую даль.

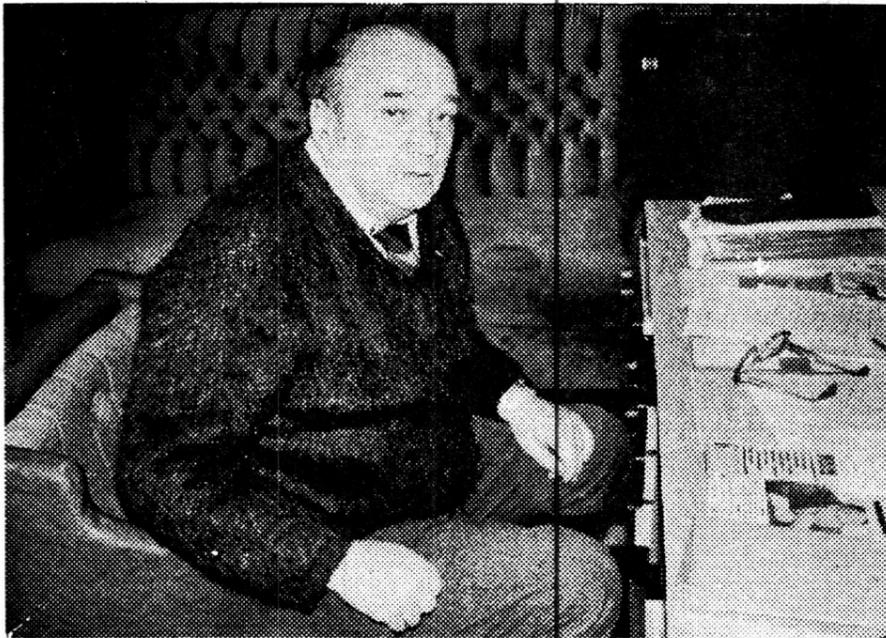
Под стук колес

Эдуарду повезло. После того, как всех, словно скот, затолкали в вагон, он оказался с краю, и мог облокотиться о стенку, дать возможность как-то отдохнуть спине, ногам. Дышать было нечем. Еще хорошо, что весенние дни, а особенно ночи, были прохладными. Нужду справляли прямо на месте. Уже какие сутки вагон отступивал свою монотонную мелодию неизвестности. Каждый стук колес как бы спрашивал: куда? когда? зачем? Многие от голода, боли в желудке, жажды, теряли сознание. Иногда немцы были «добры»: в вагон, чтобы не умерли совсем с голоду, подкидывали немного семечек. Каждому доставалось по две-три, а то и по одной. Эдуард этот «продлаек» старался мусолить вору как можно дольше. Судороги ног и желудка не давали покоя. Не — нет, и он проваливался в забытие. «Эдуард! Эдуард! Очнись. Возьми себя в руки. — соседи приводили его в чувство. — Отдохнул малость, и ладно. Терпи».

И вот настал день, какой по счету, уже никто толком не помнил, когда эшелон остановился надолго. Слышна была немецкая речь, лай собак. Дождались и они, когда открыли двери вагона. Мощный поток ярких лучей солнца и свежего воздуха буквально опьянил узников. И нужно было немало усилий, чтобы спуститься на грешную землю и удержаться на ногах. Только потом, когда их пешей колонной отправили в путь, поняли, что прибыли в Германию и их ведут в лагерь.

К. Д. Ф.

Лагерь был при немецком военном заводе, где изготавливались крылья для самолетов и вздоходы-амфибии с сокращенным названием К. Д. Ф., неподалеку от города Вольксвагер. Для немцев и самих узников Эдуард Цветаев перестал существовать. Вместе с деревянными колодками, полосатым х/б-костю-

мом, местом в бараке ему присвоили номер 302. В первый же день отвели лагерьный деликатес — похлебку и брюквы — и на работу. 302-му и ему подобным доверили только уборку производственных помещений. Режим — наистрожайший, за любую провинность — наказание. Самое строгое — за воровство. Виновников немцы помещали в специальный блок и заставляли работать круглосуточно с часовым перерывом для еды и ни минуты сна в течение трех-четырех дней. Многие не выдерживали, умирали. Довелось за воровство картошки в поле — голод не тетка — пройти это испытание и 302-му. Самому Богу известно, как ему удалось все выдержать. Приходилось не только убирать в сехах, но и валить деревья. На К. Д. Ф. работали русские, французы, поляки, румыны, югославы... Их лагеря находились поблизости друг от друга.

Порой Эдуард добирался до своих нар из последних сил. Баланды, которую давали, не в состоянии была восстановить силы. Многие кончали жизнь самоубийством. Нередко и 302-му приходила в голову мысль сотворить подобное. Но перебороть себя, воспрянуть духом ему помогли... «воры в законе». В бараке жили бывшие заключенные харьковской тюрьмы. При любой тяжелой ситуации они никогда не теряли присутствия духа: прожили день и хорошо. Всегда смеялись и при первой возможности резались в карты. Им все было нипочем.

И, наконец, в конце сорок четвертого прозвучала весточка Победы. И здесь, видимо, не обошлось без помощи Бога. Лагерь бомбили американские летчики. Одна из бомб угодила в убежище, где в верхнем ярусе прятались русские узники, в нижнем — немцы. Так вот, бомба прошла верхний ярус и не взорвалась. Сработала только в логове немцев...

Освобождение

— Так уж сложилось, что именно 12 апреля 1945 года нас освободили американцы, — продолжает свой рассказ Эдуард Иванович. — В этот же день, но только 1942 года немцы увезли меня в Германию. Три года в неволе. День в день. Хотя сами немцы ушли из лагеря накануне за два дня. Мы были предоставлены сами себе. Ходили по ближайшим селам, добывали что-нибудь съестное. Паника среди немцев была большая. Они бросали целые эшелоны и спешно отступали. Мы, бывшие узники, вскрывали эти вагоны. Что там только не было! Попадались даже такие, которые были полностью заполнены предметами из золота и серебра. Но нас это не интересовало. Важнее были свобода и еда, и желание как можно скорее вернуться на Родину. Вот что еще интересно: как только немцы оставили наш лагерь, мы не сразу бросились на поиски еды — устроили футбольный матч с французскими пленными. Для нас тогда неважен был счет, главное — мы наслаждались свободой. Физическая подготовка тогда у всех была нулевая, но мы старались изо всех сил. И откуда только сила бралась? Для меня это было вторым совпадением. Дело в том, что вест о начале войны я услышал, будучи в Харькове на стадионе, где участвовал в соревнованиях по легкой атлетике. И дату освобождения отметил, играя в футбольном матче.

— Не кипела ли в тот момент в душе ненависть к немцам, не появлялось ли желание им отомстить?

— Американцы все-таки контролировали наши действия и не допускали полного разгула. Хотя в последние годы войны, особенно после победы над Сталиным, немцы стали как-то мягче. При первой возможности подсовывали нам что-нибудь из еды: Часто спрашивали: «Как там в Сибири? Очень холодно?» Мы тут, конечно, слушали краски, как могли, хотя и сами не знали, как там, в Сибири. Больше всего боялись русских, которые выполняли роль охранников в лагере. Был, например, такой хромой Иван. Он всегда дежурил на воротах, проверяя час перед выходом и входом в лагерь. Опустошит все карманы начисто, да еще и строго накажет. Даже немцы такого не позволяли себе. Так вот, в первый же день освобождения мы этому Ивану всем лагерем отомстили: забросали камнями до смерти.

Когда наша армия начала освобождать Белоруссию, оттуда стали семьями выезжать в Германию полицаи. Многие из них попали к нам в лагерь. Перед освобождением они стали спасать свои шкуры: разбежались по всей Германии. Возвращение на Родину для них было смерти подобно. Хотя американцы всем узникам, и нам в том числе, предлагали выехать в любую страну, но все мы рвались домой.

— И возвращение состоялось?

— Да. В один прекрасный день американцы подогнали грузовики, посадили нас и повезли через всю Германию, Польшу к нашей границе. Попали в пересыльный лагерь в Белоруссии. Уже там узнали, что готовится война с Японией. Все написали заявления, чтобы пойти на недобровольцами. Через какое-то время нас всех вновь посадили в товарный вагон и отправили, как думали, на войну с Японией. Ехали долго, и, наконец, приехали... в Магнитогорск.

Через футбол - в вальцовщики

Вот так неожиданно для себя Эдуард Цветаев через три года после чужбины, миновав родные места, оказался на Урале. Как не имеющего специальности, его определили разнорабочим в ЖДТ ММК. Менял рельсы, шпалы... И вот однажды попал в клуб ЖДТ. Там по вечерам в спортзале устраивали волейбольные матчи. Поскольку Цветаев до войны неплохо играл в волейбол, он сразу стал выделяться и в скором времени определился как основной игрок в команде железнодорожников. Руководство клуба сразу заметило спортивные организаторские способности молодого рабочего. И Эдуарду была предложена должность инструктора физкультуры. Согласился. Весной 1946 года пригласили его на стадион «Строитель», где футбольная команда комбината должна была сыграть очередную игру. Из-за отсутствия вратаря место в воротах предложили занять Цветаеву: «Ты, мол, в волейболе мастерски принимаешь все подачи, справишься и здесь».

— А что мне оставалось делать: команду-то надо было выручать, — вспоминает Цветаев. — До этого в футбол играл, конечно, вратарем не был никогда. Отстоял тогда в воротах матч, сказали, что неплохо, даже удалось «вытащить» несколько «мертвых» мячей. После той игры отыграл второй, третий матч. И пошло-поехало. Словом, стал основным вратарем в команде «Металлург». Играя за «Металлург», я в то же время продолжал выполнять обязанности инструктора и председателя коллектива физкультуры желдоркома. В 1947 году мы выиграли кубок области и получили право играть на первенство СССР в своей группе.

С тех пор целых семь лет судьба была связана только с футболом. Благодаря и мастерству Цветаева команда занимала призовые места в своей зоне и в первенстве Центрального Совета «Металлург». Бывали и неудачи.

— Я понимал, что футбол, хоть и любимый, для меня не вечен. Подойдет время, когда надо будет с ним расстаться. И вот в 1950 году бывший начальник отдела кадров Борис Иванович Буйвид предложил мне работу в новом тогда первом листопрокатном цехе, — продолжает Эдуард Иванович. — Так я стал вальцовщиком. Был участником прокатки первого листа. Вскоре стал старшим вальцовщиком. А когда началось строительство четвертого листопрокатного — переехал туда.

... Вообще-то он не очень любит разговаривать о своих спортивных и трудовых успехах. Но благодаря старым подшивкам нашей газеты, нашел немало заметок о нем: «30 ноября вечером на стане «2500» было необычное оживление. В этот день состоялся пуск уникального в стране агрегата. И вот прокатаны первые листы на стане. Это большая победа инженеров, строителей, монтажников, сварщиков, вальцовщиков, электриков... Вместе со всеми здесь трудится и молодой прокатчик Эдуард Цветаев. Его на комбинате знают теперь не только как хорошего вратаря, но и как опытного старшего вальцовщика чистовой группы клетей стана «2500»...

Как инициатора прокатки по минусовым

допускам Эдуарда Ивановича послали на областную партийную конференцию. На ней он сказал: «... В нашем коллективе родилась идея — наладить прокатку по минусовым допускам...» В последующие годы эта практика дала большую экономическую выгоду...

Преимущества очевидны: только в 1967 году мы прокатали дополнительно более 40 тысяч тонн листа...

Заводила в спорте, он таким и остался на рабочем месте.

— Что скрывать, многие в цехе отлучки на сборы и игры считали пустым времяпровождением. Когда говорил, что это не так — меня просто не слушали. И это действительно не так. После ежедневных двухразовых тренировок еле добирался до постели. А в других городах, где проходили игры, только и видели: вокзал — стадион — вокзал. Скажу честно: на тренировках я уставал больше, чем устала. А бывало, что сразу после игры шел в цех на смену.

Оставить память

Ровно двадцать лет назад подошла пора идти на заслуженный отдых. Председатель заводского совета ДСО «Труд» ММК, ныне покойный Павел Захарович Шувалов, предложил Эдуарду Ивановичу должность директора водной и лыжной баз комбината. Согласился. И на этом посту проявил организаторские способности. В его хозяйстве всегда были порядок и дисциплина. Не без участия Эдуарда Ивановича стал создаваться и музей спорта ММК. И в то время возникла идея о строительстве мемориала памяти спортсменам-металлургам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Идею ветеранов спорта поддержали. Было выбрано место, шла работа над проектом, составлялся и уточнялся список погибших спортсменов. Но время шло, а идея по-прежнему «витаала» в воздухе. Правда, был подготовлен рабочий проект будущего мемориала — и только.

Эдуард Иванович становится общественным директором музея спорта. Всякие попытки довести задуманное до конца ни к чему не приводят. А тут распад страны, нарушились многие связи. Если раньше можно было за помощью обратиться в партком, профком, то теперь этих рычагов влияния не стало. Да и деньги стали другими. На создание мемориала потребовалось уже не несколько тысяч рублей, а десятки миллионов.

— Стало ясно, что таких денег нам никто не даст, — вспоминает Цветаев. — Надо было что-то делать. Решили максимально упростить проект. За помощью обратились к начальнику цехотдела проектно-конструкторского отдела ММК Владимиру Ивановичу Лукашову. Большое ему спасибо! У него и так было своих дел невпроворот, но находил время и для нас. Самое трудное для меня было найти цех-изготовитель заготовок мемориала. Сколько было бессонных ночей! С горем пополам решил и эту проблему. Затем снова заковыка: кто будет строить?

Ходить с плохим здоровьем по инстанциям Цветаеву уже было не по силам. Собрал он своих ветеранов спорта на совет: что делать дальше? Многие предлагали махнуть на все рукой и отказаться от старой идеи. И все же решили написать открытое письмо мэру города. Ответ не заставил себя долго ждать. Состоялась встреча с Антимоновым, где было заявлено, что строительство город может взять на себя.

— Мне даже не верилось, что лед тронется, — продолжает Эдуард Иванович. — И действительно, вскоре на площадку пришли строители и за короткое время соорудили монумент... и вновь надолго исчезли. Оказалось, что нужно было еще десять миллионов. Где брать? Решил обратиться к генеральному директору АО ММК Анатолию Ильичу Старикову. Такая возможность представилась во время встречи директора с ветеранами. Написал записку, в которой высказал свою печаль. И стал ждать. Когда Анатолий Ильич отвечал на вопросы, он, к моей радости, особо остановился на этом вопросе и пообещал оказать помощь. А через несколько дней позвонили из городской администрации и сообщили, что деньги перечислены...

На открытии мемориала воинам-спортсменам было много официальных лиц и гостей, говорились торжественные слова. Сам Эдуард Иванович стоял чуть в сторонке, опершись на клюшку, и молчал. Вид у него был усталый. Вспомнил его слова: «Порой меня преследует мысль, что времени осталось мало, что довести задуманное до конца не удастся, и не придется увидеть мемориал собственными глазами...»

Но, как мы уже знаем, жизнь распорядилась иначе.

Ю. ПОПОВ.

На снимке: Э. И. ЦВЕТАЕВ.